

Ф. В. Булгарин

Лицевая сторона
и задача роли человеческого

Лицевая сторона и изнанка рода человеческого //Высшая школа, Москва,
2007
ISBN: 978-5-06-005226-8
FB2: Isais, 2014-09-22 12:43:23, version 1.0
UUID: 5AB1DB9F-CE54-4136-8F1E-7D1255A0405B
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Фаддей Венедиктович Булгарин

**Сцена из частной жизни, в
2028 году, от Рожд. Христова**

**Фаддей Венедиктович
Булгарин**

**Сцена из частной жизни, в
2028 году, от Рожд. Христова**

Действующие лица:

Вельможа, хозяин дома.
Его сын, 12-ти лет.
Придворный.
Судья.
Поэт.
Журналист.
Антикварий.
Библиограф.
Помещик.
Купец.
Инженер.
Молодая дама.
Другая дама, пожилая.
Гости.

Действие в Петербурге, в доме вельможи, на набережной Выборгской стороны, 21 Января.

Обширная зала — вокруг стен стоят шкафы с книгами — в амбразурах окон стол с косями журналами, газетами, книгами, эстампами.

Дамы и мужчины прохаживаются по за-

ле — некоторые из гостей сидят возле столиков и читают, другие разговаривают. Хозяин, вельможа сидит в креслах возле камина, окруженный гостями. Вдали ряд освещённых комнат и слышны звуки музыки.

Вельможа. Я сегодня чрезвычайно много ходил пешком. Выйдя из дому, я прямехонько по Выборгской набережной дошёл до Охтинской парадной площади и оттуда перешёл через Неву по висячему чугунному мосту к Смоленному гостиному двору, и, наконец, отдохнул в книжных магазинах.

Поэт. Правда, путь не близкий, но по гранитной набережной так легко ходить, как по паркету, к тому же в чугунных беседках можно присесть, отдохнуть, а в случае нужды укрыться от непогоды. Только я не люблю прогуливаться между чертогами Выборгской стороны, Охты и Смоленской части: в этих местах слишком шумно, многолюдно, великолепно. Любимая моя прогулка зимою и летом в городском саду, в Парголовском предместье, между горами и оврагами. Я на время забываюсь, что нахожусь в столице, и воображение

мое отдыхает, освежается.

Вельможа. Но Парголовский городской сад от меня слишком далеко и туда надобно ехать, а у меня по несчастью мало времени на прогулки. Я пользуюсь досугами, чтоб обегать книжные магазины, мастерские художников, запастись новым, поискать старого. Вот, например, я третьего дня нашёл на толкучем рынке старье, пять старопечатных книжонок под заглавием: «Сочинения Ф. Булгарина». Знаете ли вы имя этого сочинителя?

Поэт. От роду в первый раз слышу.

Вельможа. Книги печатаны ровно за двести лет тому назад, в 1827 и 1828 годах.

Библиограф. Это весьма любопытно: нельзя ли посмотреть? В старину печатали весьма малое число экземпляров, и от того книги XVIII-го и XIX-го столетий ныне весьма редки. Ныне другое дело. (*Обращаясь к поэту*). Например, сколько у вас купили новой вашей поэмы: «Наваринское сражение»[1]?

Поэт. Около 50 000 экземпляров. Но разве это много в государстве, где около ста миллионов просвещённых жителей?

Антикварий. Но в XIX столетии в России

было около пятидесяти миллионов жителей, а едва было несколько примеров, чтоб книги куплено было даже 3000 экземпляров. И об этом кричали как о чуде! — Другие времена, другие нравы. (*Вельможе*). Но покажите же нам свое старье.

Вельможа (*обращаясь к своему сыну, мальчику лет двенадцати*). Принеси мне из маленького моего кабинета старые книжонки, которые лежат на столике. (*Гостям*). Я имел терпенье прочесть эти книги. Разумеется, что слог и язык устарели, формы и периоды обветшали, но я принудил себя, вытерпел до конца, и нашёл кое-что занимательное, например описания нравов.

Журналист. Нравы XIX века — это любопытно во всяком отношении, если только автор списывал с натуры.

Вельможа. Кажется так: заимствовать было не откуда, потому что предметы все отечественные.

Журналист. Вы позволите мне этих книг на насколько дней?

Вельможа. С удовольствием. Но вот и они.

Молодая дама. (*Берёт одну книжку*). Вот

еще и картинки! Это что? Портрет автора.

Другая дама. Покажите.

Книжки переходят из рук в руки.

Молодая дама. Какой странный наряд! Узкое полукафтанье, с откидным воротником, какой-то плотный камзольчик! Это надобно срисовать для маскарада. Но вот и другие картинки: изрядно, очень изрядно для своего времени.

Поэт. Какие странные буквы! Трудно отличить Ш от Т. Только по смыслу надобно догадываться. Ударений нет, и даже нет вовсе буквы для выражения звука между Х и Г. Обрисовка букв негодная: почти все одни толстые чёрточки — нет округлости, нет изменения в очерках.

Вельможа. Это был первый шаг к совершенствованию типографского искусства и каллиграфии.

Журналист. Есть ли что порядочного в этих книжонках?

Вельможа. Сочинитель, кажется, любил говорить правду, любил пофилософствовать,

но видно, что он или не хотел или не мог всего высказать, что у него было на уме и на сердце. Он часто только намекает на правду и как будто заикается. Впрочем, некоторые странности, предрассудки и злоупотребления своего времени он описал довольно резко. (*Обращаясь к судье*). Автор особенно вооружался против вашего сословия, и жестоко напал на невежество и взятки.

Судья. Теперь ему не достало бы материалов по этой части. Вся Европа признаёт, что нигде правосудие не достигло до такой степени совершенства, как в России. Может ли быть иначе, когда у нас каждый, посвящая себя судейскому званию, должен быть доктором прав, дать экзамен, представить поручительство от целого уезда в беспорочном поведении, и когда наконец, общее мнение сторожишь за каждым его поступком. Я думаю, господа, что вы не слышали о взятках, и что это слово известно вам только из словаря, или из старых романов и драм.

Помещик. Об этом нет спора.

Журналист. Тем любопытнее видеть теперь, что делалось за двести лет тому назад.

Вельможа. Но в этих книжонках много такого, что теперь покажется непонятным для нас. Вообразите себе, что г-н сочинитель весьма серьёзно гневается за то, что образованные и воспитанные люди в его время, знатные и богатые, а особенно дамы, не только не хотели говорить между собою по-русски, но почитали даже грубостью и невежеством, если в обществах русских говорили отечественным языком.

Молодая дама. Ха, ха, ха! Как это можно, что б русские не хотели говорить по-русски?!

Придворный. Это, верно, пошлые шуточки XIX века!

Вельможа. Уверяю вас честью, что автор вовсе не выдумывает, и что это было в самом деле.

Придворный. Помилуйте, что за странность! Как можно говорить иначе, как не на отечественном языке! Это обидно для народного самолюбия, и я лучше бы согласился родиться немым, нежели говорить в России не по-русски. Язык неотъемлемая собственность народа, как вера и история — кто осмелится прикасаться к этим священным предметам?!

Вельможа. Послушайте моего сочинителя: он вам скажет, что в его время знатные и богатые россияне по выбирали воспитание своих детей чужеземцев, которые приезжали в Россию толпами для образования юношества по своим образцам.

Пожилая дама. Боже мои, какой ужас! Возможно ли, чтобы родители согласились доверить детей чужеземцу? Если б он был ангел, а не человек, то и тогда бы не мог из своего питомца сделать русского, и поневоле сделал бы из него чужеземца для России. Как может иностранец внушить юноше любовь ко всему отечественному, к вере, к престолу, к народным обычаям, одним словом, к матушке России?

Придворный. Без сомнения, нет, и я дорого бы заплатил, чтоб увидеть русского на чужеземную статью.

Вельможа. От того-то сочинитель жалуется, что богатые и знатные юноши в его время, в семнадцать лет от роду, ничему не учась, почитали себя мудрецами, не умели правильно изъясняться по-русски, за честь себе поставляли казаться чужеземцами, и своим вы-

сокомерием были несносны порядочным людям. Другие, бросаясь стремглав на литературное поприще без предварительного учения, бредили о философии и о науках несносный вздор и судили о словесности наперекор здравому смыслу. Все это было от того, что юношей рано выпускали в свет из родительского дома.

Помещик. Но разве не каждый дворянин был обязан учиться в университете или в другом казённом учебном заведении?

Вельможа. Видно, что не каждый.

Помещик. Опять странность. Как можно дома обучить тому, что преподается на публичных курсах первыми учеными в государстве? Как можно, чтоб дворянин, которому открыты все пути к занятию первых степеней в государстве, не старался быть просвещённое, учёнее всякого другого согражданина.

Вельможа. Сочинитель жалуется, что покровительством тётушек и дядюшек юноши достигали гораздо выше, нежели ученостью и примерным поведением.

Сын вельможи. Благодарю покорно! Я ни за что бы не хотел, чтобы меня перевели в

другой класс не по моим познаниям, а по просьбе папеньки. Я был бы в хлопотах, находясь с мальчиками, которые более меня знают, я не мог бы следовать за ними в успехах и был бы последний.

Вельможа. Об этом также говоришь мой сочинитель. Он описывает людей, занимавших места не по заслугам и достоинствам, как овец на привязи. Каждый секретарь, каждый подьячий вертел таким человеком, как пешкою.

Судья. Иначе и быть не может.

Молодая дама. А что ж говорит ваш сочинитель о женщинах?

Вельможа. Он говорить, что наши прабабушки любили слишком наряжаться.

Молодая дама. Это не беда.

Вельможа. Беда та, что знатные и богатые дамы ничего более не делали, как разъезжали целое утро по модным магазинам и брали в долг модные тряпки, за которые бедные мужья должны были платить, занимая деньги под залог имения, что эти дамы не занимались хозяйством, поверяли детей и даже дочерей на руки наемников и наёмниц, и более

думали о своих чепцах и шляпках, нежели о головах и сердцах своих детей. Сочинитель жестоко вопиет, что дамы не хотели и даже не умели читать и писать по-русски...

Молодая дама. Полноте, полноте, это ужасно. Я не верю вашему сочинителю.

Вельможа. И я вам не ручаюсь за правду, но говорю, что написано.

Придворный. Если б в наше время девица знатной фамилии не знала совершенно своего языка, не умела распорядиться домом, и не знала отечественной истории и словесности, так же хорошо, как женских рукоделий, то я уверен, что она не нашла бы себе мужа, хотя б имела в приданое биллион имперялов. Всякий честный человек отказался бы от руки и от денег ради стыда!

Молодая и пожилая дамы вместе. Без сомнения!

Журналист. Нет ли чего там и для нашей братии?

Вельможа. И очень много. Автор говорит, что в его время многие журналисты брались в обозрениях словесности судить о своих со-братьях, и руководствуясь личностями, стара-

лись унижать их неоспоримые достоинства резкими, безграмотными приговорами...

Судья (*прерывая*). Но это противно законам: никто не может быть судьёй в своём деле, не зная его совершенно.

Вельможа. Автор жалуется, что во многих журналах пристрастие доходило до такой степени, что если лучшую книгу похвалили в одном журнале, то в другом нарочно бранили ее, из одной ненависти к сопернику журналисту. Сочинитель более всего негодует на то, что некоторые журналисты позволяли мальчикам и школьникам печатать в своих листках безграмотные суждения и злобные приговоры о произведениях людей, заслуживших уважаете публики. Наконец, он говорит, что в его время весьма мало было хороших журналов.

Журналист. Иначе и быть не могло, если наши братья позволяли школьникам умничать в своих листках, и если (что во сто крат хуже) мальчики брались за ремесло журналиста, требующее опытности, и — смело сказать, добросовестности...

Вельможа. Не стыдитесь досказать: и по-

знаний.

Придворный. Но если ваш сочинитель вооружался против всех злоупотреблений, а особенно против безграмотных юношей, то, верно, его ужасно бранили в журналах.

Библиограф. Без всякого сомнения: это участь каждого критика, каждого комического и сатирического писателя.

Молодая дама. Мне жаль этого бедного сочинителя! Но нельзя ли узнать, как он, бедняжка, воевал на литературном поприще?

Антикварий. Порывшись в книгах, конечно, можно все найти, но наизусть кто вспомнить эти дразги?

Библиограф. Это весьма легко отыскать в биографическом Словаре Русской Словесности. *(Подходит к шкафу и, оборачиваясь к вельможе, говорит).* Как бишь называется ваш сочинитель?

Вельможа. Ф. Булгарин.

Библиограф. Вот литера Б. Ну, слава Богу, нашёл. *(Смотря в книгу, говорит).* Но он сам издавал журнал. Этот сочинитель даже сильно критиковала безграмотных сочинителей своего века, а особенно дурных стихоплётов.

За то доставалось и ему. Тут именно сказано, что лишь только его «Сочинения» вышли в свет, то на них накинулись неучи-критики, как вороны на спящего ястреба, и обругали не на живот, а на смерть!

Молодая дама. А он, бедняжка, что же делал? Верно, грустил.

Библиограф (*продолжая смотреть в книгу*). Ни мало. Публика догадалась о причине критик и, не внимая им, раскупила книги, а сочинитель смеялся от чистого сердца уловкам своих противников, и радовался, что его критики вооружены были тупыми перьями, которые они обмакивали в желчь, а не в чернила, так, что каждый это ясно видел, как чёрное на белом. Так сказано в его биографии.

Молодая дама. От того-то сочинитель так полон лицом, что он не сердился на критиков, а смеялся.

Вельможа. А как назывались его критики? Нет ли этих имён теперь на Парнасе.

Библиограф. Об именах критиков не упомянуто.

Журналист. Утонули в Лете, в пучине за-

бвения!

Молодая дама. Вечная память! — Вот и хорошо, что сочинитель не сердился.

Вельможа. Но наша братия на него, верно, также сердилась, по крайней мере, столько, как и критикованные им стихотворцы. Он нападает на тех вельмож, которые не покровительствовали отечественных дарований и словесности, не читали русских книг, и большую часть времени употребляли на искательство, а деньги на балы, обеды, а от того огромные суммы денег и целые имения испарялись в кастрюлях без пользы, без славы. Он бранит знатных, которые окружали себя чужеземцами-шутами, иностранными актерами, странствующими чужеземными писаками, а на отечественных авторов и художников и смотреть не хотели, бегали, как от заражённых чумой. Эти знатные принимали соотечественников в своих домах по чинам, по богатству, по связям, а не по уму, и одним иностранцам доступ был свободен. О, мой сочинитель неумолим!

Поэт. Спасибо Сочинителю!

Молодая дама. Нельзя ли найти имён

вельмож, которые давали балы и обеды в XIX веке? И нет ли знатных фамилий?

Антикварий. Я вам могу сказать без справок, словами г-на журналиста: утонули в Лете. — Впрочем, виноват, некоторые имена всплыли наверх: нам известны граф Александр Сергеевич Строганов[2], граф Николай Петрович Румянцев[3] и ещё некоторые — они покровительствовали учёным, литераторам и художникам и любили собирать их у себя.

Вельможа. Странно. Какая приятность могла быть в обществе без людей с талантами! В наше время этому трудно поверить.

Журналист. Извините, мне должно идти в типографию. Завтра выходит мой листок. Позвольте взять с собою книжки.

Вельможа. Извольте.

Журналист уходит, а к хозяину подходит из толпы один из гостей.

Купец. Я получил письмо из Одессы, что англичане, американцы и турки закупили почти все наше крымское, донское, подольское

и грузинское виноградное вино — теперь опасаются, что нельзя будет прислать много русского вина в столицы, к Святой неделе.

Вельможа. Не бойтесь: у нас в столице большие запасы русских вин. Но что делать с иностранцами, когда они предпочитают русские произведения всем прочим? Вы читали отчёт северных портовых таможен, за прошлый 2027 год?

Купец. Без сомнения. Не взирая на множество суконных и полотняных фабрик, требования на русские сукна, тонкие полотна и батисты были так велики, что нельзя было их удовлетворишь, и я опасаясь, чтобы недостаток товаров для вывоза не заставил иностранцев искать их далее.

Помещик. Какой вы трусливый! Ни одно государство в мире не может прокормить столько овец, как Россия в Сибири, и ни один народ не может свить столько льну и пеньки, как мы, в средней нашей полосе. Не подлежишь спору и сомнению, что чем животное ближе к северу, тем шерсть его тоньше, мягче и, так сказать, пушистее, следовательно, наши тонкошёрстные породы овец и коз нигде

не могут существовать, потому что нигде нет сибирских степей. Наши полотняные фабрики доведены до совершенства, а лён и пенька наши природные растения. Минеральные краски наши и наш червец[4] предпочитаются всем прочим. Не бойтесь: торговля в наших руках по натуре вещей. Например: где в состоянии выделывать такие шали как в России?

Купец. О доброте наших товаров я не спорю — но мы не можем удовлетворять все требования, и вот это беспокоит меня.

Вельможа. Успокойтесь: фабрики и мануфактуры беспрестанно размножаются. А помните ли вы, сколько русских купеческих кораблей с грузом было в море в прошлом году?

Купец. В отчёте сказано, что кораблей, построенных в русских портах, принадлежащих природным русским, с русскими экипажами было во всех морях только 15,000.

Вельможа. Это не много.

Помещик. Да, в прошлом году было более.

Инженер. От того, что в нынешнем году употреблено было много купеческих кораб-

лей для перевозки целых скал порфира[5] с острова Гохланда[6]. Эти корабли не вошли в счёт коммерческий.

Помещик. Как подумаешь, чего в России нет! Золото, серебро, платина, все грубые металлы, драгоценные камни, всего с избытком! Лучшие сукна, полотна, кожи...

Вельможа. Прибавьте: астраханский и грузинский шелк, лучшие в мире шляпы, лучшие железные изделия, а хлеба, как говорится, хоть не ешь, вина хоть не пей!

Купец. Правда, всё свое, исключая пряных кореньев и аптекарских материалов, которых однако ж столько привозят на русских кораблях, что некуда их и девать.

Помещик. Счастливая Россия!

Вельможа. Счастливая от того, что мы, русские, умели воспользоваться нашим счастливым положением и все сокровища, тлевшие в недрах земли, исторгли нашим терпением, любовью к отечественному, прилежанием, учением, промышленностью.

Пожалуй, если б мы не думали о завтрашнем дне, и кое-как жили, позволяя иностранцам брать у нас сырые материалы, и прода-

вать нам выделанные, то мы навсегда остались бы у них в зависимости и были бы бедными.

Придворный. Всеми этому мы обязаны всеобщему просвещению. Пока помещик, купец, ремесленник и крестьянин не знали богатства своего отечества и средств, как ими пользоваться, до тех пор они поневоле должны были оставлять сокровища под спудом.

Купец. Итак, да здравствуешь просвещение и промышленность!

Вельможа. Это здоровье надобно запить: подайте пенистого аксайского[7].

Придворный. Но вот наигрывают русскую кадрили: пойдёмте в залу.

Купец. Пойдёмте — я люблю эту пляску — во славу просвещения мы выпьем за ужином.

Вельможа. Очень хорошо.

Переходят в танцевальную залу.

1828 г.

Примечания

Наваринское сражение — сражение, в котором 8 октября 1827 года совместные силы русского, английского и французского флота разгромили в Наваринской бухте (Южная Греция) турецко-египетский флот, что объективно способствовало победе национально-освободительного движения в Греции в 1821 — 1829 гг.

[^^^]

1733 — 1811 гг., сын С. Г. Строганова прославившегося благотворительностью и любовью к искусствам в эпоху Елизаветы Петровны. А. С. Строганов был членом комиссии по составлению проекта нового уложения, особенно настаивая на учреждении школ для крестьян. Сенатор, президент Академии художеств, директор публичной библиотеки, чья частная библиотека считалась лучшей для своего времени, известный меценат и коллекционер

[^^^]

1754 — 1826 гг., государственный деятель, дипломат, в 1807 — 1814 гг. — министр иностранных дел, собрал коллекцию книг и рукописей (т. н. Румянцевский музей), «много покровительствовал учёным» (Словарь исторический / под ред. В. В. Битнера. В 2-ух т. Т 2. М., 1998 г. С. 350. Пер. изд. 1906 г.

[^^^]

Обыкн. мн. — общее название равнокрылых насекомых, насчитывающих в мировой фауне свыше 1600 видов. Некоторые виды червцов выделяют вещества, используемые в лакокрасочной промышленности (лаковый червец и кошениль, дающая красную краску — кармин).

[^^^]

5

Порфир — вулканическая горная порода, употребляемая, как строительный материал.

[^^^]

Гогланда — острова в Финском заливе, принадлежавшего Выборгской губернии (ныне Кингисеппский район Ленинградской области). В состав России вошёл в 1743 г. Поверхность острова целиком состоит из гранитных утёсов, покрытых сосновым и еловым лесами.

[^^^]

Произведённого в Аксайской станице на Дону
(прим. автора)

[^^^]